

МАГНИТОГОРСКИЙ РАБОЧИЙ

—К 50-летию Магнитогорского драматического театра имени А. С. Пушкина

ПРОФЕССИЯ ДУШИ

Есть такое понятие на театре: режиссер «видит» актрису или актера. Или «не видит». В первом случае все складывается прекрасно, интересные работы идут одна за другой, жизнь полна творческих замыслов и свершений. Во втором... Впрочем, что там объяснять, и так понятно; второе — полная противоположность первому. Суть этого явления довольно сложна, поэтому не надо торопиться с выводом и выносить приговор. Это, кстати, одна из причин, по которой актеры меняют театры, меняют в поисках единомышленника.

Но, бывает, что уехать почему-либо нельзя, а тебя все «не видят» и «не видят». «Не видит» режиссер и... не видит зритель — уже не в переносном, а самом прямом смысле. А что может быть горше для актера, чем невозможность высказаться, выразить себя свое мироощущение через любимое искусство...

Многие магнитогорцы, особенно молодые, наверное, не так давно открыли для себя актрису Магнитогорского драматического театра имени А. С. Пушкина Елизавету Одарченко. Особенно после прекрасной работы в спектакле «Моя профессия — синьор из общества». Валерия Папагатто, умная, насмешливая, как-то по-особенному раскованная в манере говорить, двигаться, предстала в исполнении Е. Одарченко натурой яркой, глубокой и самоубийственной. Актриса не стремится преподнести себя публике с выгодной стороны. Всклоченные, со сна волосы, походка вперевалочку, ноги в стоптанных комнатных туфлях, старый халат на худенькой фигуре подростка... И — огромные, сверкающие из-под шапки волосы, искрящиеся жизнью и умом глаза, низкий, свободного звучания голос, правдивость во всем, в любом жесте, в любом проявлении чувств. Характер неоднозначный, истинно народный, нарисованный броско, точно, уверенно...

Елизавета Одарченко уже 22 года на сцене. И восемь лет — в Магнитогорском драматическом театре имени А. С. Пушкина. Мы встретились с ней впервые в спектакле «Мальш и Карлсон, который живет на крыше», где она дебютировала в роли Мальши, и



надо сказать, дебютировала прекрасно. Но эта удача, как ни странно, сыграла ей плохую услугу. По крайней мере, так считает сама актриса, и, пожалуй, она действительно права. За Одарченко, имевшей уже тогда в активе четырнадцать лет актерского стажа и немало разноплановых ролей, на долгое время прочно укрепилась репутация трагички, тем более что физические данные актрисы очень благоприятствовали исполнению ролей мальчиков и девочек. После Мальши был мальчишка в спектакле «Не стреляйте белых лебедей», потом — всевозможные полудевочки-царевны, был Звездный мальчик в одноименной пьесе по сказке О. Уайльда — работа, за которую актрису заслуженно хвалили. Спору нет, это тоже был труд, ни в одной из ролей Одарченко не позволяла себе халтурить, играть спустя рукава. Но из души ушла радость — Лиля (а в театре ее зовут именно так) чувствовала, что она может и должна делать другое, что она может больше дать театру, зрителям, наконец, себе, ведь творчество — всегда взаимный процесс: отдавая, актер многое и обретает.

Но... ее продолжали «не видеть». А как этого хотелось... Как хотелось, чтобы в

тебя поверили, чтобы можно было, наконец, ощутить на сцене ту свободу, которая обретается лишь при полном слиянии с материалом, физическом ощущении себя в спектакле, в том мире, где тебе предстоит пробыть лишь несколько часов, но пережить за это время целую жизнь.

У всех актеров — в той или иной степени — присутствует самоконтроль. Без него актер непрофессионален. У Одарченко он развит предельно, и потому, возможно, она особенно пристрастна к себе и своим работам. Пристрастна как самый строгий критик. И поэтому ее самооценка далеко не всегда совпадает с мнением зрителей.

Так, помнится, в свое время роль Ани в «Вишневом саду» отмечалась как удачная. И действительно: Е. Одарченко сыграла ее искренне, с присущим актрисе пониманием характера. Но спектакль был слабым, очень слабым, он не ощущался как единое целое, как тот самый особый мир, с которым ты связан неразрывно. И актрису не успокаивали похвалы друзей и доброжелателей — она-то знала, что не сумела сделать очень многое, и винила в этом, прежде всего, себя; актер обязан хорошо делать

любую работу, при любых обстоятельствах.

Она любит играть так называемые характерные роли. И в этой связи как не вспомнить эпизод в спектакле «Синие кони на красной траве». Эта роль досталась ей случайно: исполнительница должна была на время уехать из города, и режиссер предложил встать на этот период Одарченко. Играла она ее мало. А жаль! Ее Сапожников был достойным и страшным человеком — уверенный в себе молодой бюрократ, воинствующе невежественный и равнодушный. Все было продумано: «понимающая» улыбка, подчеркнутая подтянутость, убежденность в своей правоте.

Последние два сезона притесли Одарченко несколько серьезных работ (в их числе — Валерия Папагатто). Например, Адалат в «Прикосновении» М. Ибрагимбекова. Или Людмила в «Ретро» А. Галина — женщина, оторвавшаяся от родных корней, живущая в фальши и мелкой суете. «Уж это — несомненная удача», — говорит актриса. — «Нет» — опять возражает она. — Нет. Это все не то. Надо было идти в глубь характера. Не получилось».

Наверное, нелегко так работать... Но, с другой стороны, а как иначе? Ведь «театр», — говорит Елизавета Одарченко, — это профессия души. Да, конечно, в процессе общения с партнерами, с залом мы отталкиваемся от слова, но за ним — внутренняя пульсация. И только когда ощутишь ее, сможет родиться что-то частотное. Вот говорят: театр воспитывает в людях то-то и то-то... По-моему, это не то слово, иначе мы не любили бы театра (кому нравится, когда его воспитывают?). Нам нравятся люди, которые умеют исподволь открыть в нас и для нас такие душевные пласты, о которых мы сами не подозреваем, и дают нам тем самым толчок к движению вперед, опять-таки нами даже не осозанный. Таким, по-моему, должен быть и театр. Обращенным к лучшему в душе каждого сидящего в зале. Но обращенным незаметно для него. А это сложно. Очень сложно...

И. КРУЧИНИНА.
НА СНИМКЕ: Е. Одарченко.
Фото В. Намятова.